

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. В.М. АЛПАТОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Г.А. КЛИМОВА

Георгий Андреевич Климов (1928–1997) занимал особое место в истории отечественного языкознания. Он представлял собой тип ученого, сочетавшего в себе специалиста по конкретным – кавказским, прежде всего, картвельским – языкам и теоретика языкознания, причем его теоретические интересы были весьма широки: от компаративистики до фонологии и типологии. Как кавказовед он был признан и создал научную школу, а в качестве теоретика языкознания всегда шел своим путем и занимал в советской, а затем в российской науке обособленное место. В статье будет в основном говориться о его вкладе в теоретическое языкознание и особенностях теоретических идей.

Жизнь ученого не была богата внешними событиями. Г.А. Климов родился и провел детство и юность в Ленинграде, где в школьные годы ему пришлось пережить блокаду. В 1946 г. он поступил на кавказское отделение восточного факультета ЛГУ, а после перемещения кавказоведческой специализации на филологический факультет перешел туда, окончив университет в 1952 г. После университета Георгий Андреевич переехал в Москву и поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР, откуда вскоре был на два года в целях лучшей подготовки откомандирован в Тбилиси в Институт языкознания АН Грузии. В конце 1954 г. он вернулся в московский Институт языкознания, где работал до конца жизни, с 1975 г. заведовал сектором, затем отделом кавказских языков. В 1955 г. Г.А. Климов защитил кандидатскую, а в 1965 г. докторскую диссертации, в 1988 г. получил звание профессора. Помимо работы в институте, он в течение многих лет являлся ответственным секретарем журнала «Вопросы языкознания».

Начиная с кандидатской диссертации «Основные синтаксические вопросы атрибутивного комплекса в картвельских языках», Георгий Андреевич посвятил наибольшее количество исследований изучению кавказских языков. Перечислим лишь наиболее крупные работы: [Климов 1960; 1962; 1964; 1965; 1982; 1986; 1994; Климов, Алексеев 1980]. Научная оценка этих исследований выходит за рамки темы данной статьи, однако, хочется отметить две их особенности. Во-первых, более всего Г.А. Климов занимался картвельскими языками, в меньшей степени абхазо-адыгскими и менее всего нахско-дагестанскими. Во-вторых, что для нас особенно важно подчеркнуть, среди его многочисленных публикаций по кавказоведению почти нет ни чисто описательных, ни ограниченных рамками одного языка. Главные его темы – сравнительно-историческое изучение языков каждой из трех групп (гипотезы о родстве этих групп между собой Г.А. Климов отверг) и типологическое изучение этих языков (здесь он не ограничивался рамками отдельных групп и активно сопоставлял все кавказские языки). Занимался он также проблемами языковых контактов и ареальных отношений

кавказских языков как между собой, так и с другими языками, в том числе индоевропейскими.

В этом проявились особенности научного подхода ученого. В книге, посвященной методике сравнительно-исторических исследований, Г.А. Климов писал, что большинство компаративистов – практики, не думающие о такой методике; тем более они не владеют ни типологическими, ни структурными методами и не задумываются о том, чем они могут быть полезны [Климов 1971: 3–4]. В другой книге он осуждал плохую общелингвистическую подготовку, свойственную кавказоведам [Климов 1986: 19–21]. Сам ученый в течение всей своей деятельности боролся с эмпиризмом и отсутствием научной базы не только в компаративистике, но в любых исследованиях конкретного материала.

Г.А. Климов как лингвист формировался в переломную для советской науки эпоху. Он поступил в Ленинградский университет в годы, когда официально продолжало господствовать «новое учение» уже покойного Н.Я. Марра (бывшего также кавказоведом), а ведущее место в советской науке занимала школа И.И. Мещанинова, особенно сильная в Ленинграде. Затем появились работы И.В. Сталина по языкознанию, осудившего и Марра, и Мещанинова, а одним из лидеров советского языкознания стал другой кавказовед – А.С. Чикобава; именно у него стажировался в Тбилиси Георгий Андреевич. А.С. Чикобава и другие языковеды в первой половине 50-х гг. возрождали традиции дореволюционной науки, ведущей областью исследований снова, как когда-то, стала компаративистика, во многом забытая в эпоху марризма. Но уже с середины 50-х гг. в СССР начали проникать идеи современной западной науки, ранее оценивавшиеся как «оскудение и маразм». Уже независимо от официальной политики приоритеты и ориентиры в советском языкознании вновь стали меняться.

Начинающий ученый не мог остаться в стороне от этих процессов. Он не принял ни общие концепции А.С. Чикобава об иберийско-кавказской семье языков, ни многие его конкретные идеи; его подходы Г.А. Климов постоянно оценивал как упрощенные; см., например [Климов 1990: 51–52]. Не наблюдалось у него и особого интереса к русской дореволюционной науке. Но в течение всей своей деятельности (особенно явно с середины 60-х гг.) Георгий Андреевич старался совместить, казалось бы, несовместимое: идеи И.И. Мещанинова и до некоторой степени Н.Я. Марра с концепциями дескриптивизма и других направлений западного структурализма.

Отношение ко всем этим школам и течениям Г.А. Климов выразил в историографических работах, занимающих заметное место в его научном наследии. О Н.Я. Марре, И.И. Мещанинове и его школе он писал и в книгах [Климов 1973; 1977], на которых мы остановимся ниже, и в специальной монографии [Климов 1981], посвященной истории советского языкознания 20–40-х гг. XX в.

После 1950 г. уже никто не пытался следовать «новому учению» во всем его объеме. И у Г.А. Климова нет никаких следов влияния фантастических идей Н.Я. Марра вроде четырех элементов; никогда он не отказывался и от принципов сравнительно-исторического языкознания, которые пытался упразднить Марр. Встречаются у него и резкие оценки идей Марра, см., например [Климов 1986: 19]. Но не раз он указывал на то положительное, что имелось в трудах академика. Многие Г.А. Климов принимал и в ранних, еще не вполне порывавших с традициями науки, его работах; в частности, он в основном соглашался с его пракартвельскими реконструкциями [Климов 1971: 25]. Отмечал он и выдающуюся интуицию Марра, на основе которой тот, например, предположил наличие в грузинском языке древнейшей эпохи деление на глаголы действия и состояния [Климов 1980: 123–124]. Однако и поздний Марр, по мнению Г.А. Климова, внес вклад в развитие науки, особенно типологии; он даже был создателем самого термина *типология* [Климов 1981: 21]. Отмечается, что Марр задал направление советской типологии 20–40-х гг. на основе общих принципов, которые могли иметь и «внутреннее единство» с принципами ученых, не принимавших марризм: историзма, диахронической перспективы, интереса к содержательной (контенсивной), а не формальной типологии [Там же: 7–8]. Выделяются такие идеи Марра, как необ-

ходимость вычленения для каждого типа совокупности структурных координат [Там же: 39], примат синтаксиса над морфологией [Там же: 44–45] и др.

Но основное внимание в книге уделено построениям И.И. Мещанинова и его школы (С.Д. Кацнельсон, С.Л. Быховская и др.), оцениваемым чрезвычайно высоко (хотя и не без критики); по мнению ее автора, эта школа опередила свою эпоху и среди современников наравне с ней можно поставить только Э. Сепира [Там же: 39–41]. Она вышла за рамки традиционной типологии XIX в., чисто формальной, и впервые поставила задачу построения типологии, основанной на континентальной основе. Эта типология обязательно имела историческую перспективу и была связана с глоттогенезом [Там же: 24]. В формальную типологию она не внесла ничего нового [Там же: 26], но она содержала антитезу той, преимущественно формальной типологии, которая господствовала на Западе [Там же: 33].

В своей книге Г.А. Климов подробно рассмотрел разные классификации языков, связывавшиеся с разными стадиями мышления, у И.И. Мещанинова и его учеников; эти классификации, в том числе у одних и тех же авторов, постоянно менялись, за исключением лишь предлагавшегося и ранее разграничения номинативных и эргативных языков. При всем сочувственном отношении автора книги к таким исследованиям их ценность оказывается сводимой, прежде всего, к постановке общих вопросов, в том числе к попыткам распространить на синтаксис типологические исследования, традиционно ориентированные на морфологию, и к развитию идеи О. Есперсена о понятийных категориях. Г.А. Климов справедливо отмечает, что такой постановке общих вопросов способствовали в 20–30-е гг. как научная ситуация, так и общественная обстановка в СССР [Там же: 7–8]. Еще отмечено активное использование материала недостаточно тогда изученных, в том числе типологически, языков, особенно кавказских и палеоазиатских [Там же: 8]. А полученные результаты Г.А. Климов оценивает достаточно критически.

К числу недостатков трудов школы И.И. Мещанинова (во многом унаследованных у Н.Я. Марра) Г.А. Климов относит иллюзию, будто понятие типа может заменить понятие семьи (отчасти преодоленную к 40-м гг.) [Там же: 21–23], неумение распространить свои идеи на наиболее явно системный фонологический уровень [Там же: 26], неудачи в попытках выявления семантического развития лексики из-за отсутствия в то время строгой методики [Там же: 28]. Признается и неудача в главном, с точки зрения самой школы И.И. Мещанинова: не удалось убедительно связать получаемые типы с типами мышления, поскольку в изучении мышления этим лингвистам было не на что опереться [Там же: 76–77]. Указывает Г.А. Климов и на то, что понимание стадий у них оказывалось (как и у типологов XIX в.) слишком упрощенным [Там же: 82–84]. В книге показано, что постепенный отказ от такой прямолинейности привел в 40-е гг. к кризису школы: масштабные идеи о «единстве глоттогонического процесса», которые не удавалось подтвердить фактами, уходили, не заменяясь ничем, и даже И.И. Мещанинов в работах 40-х гг. по сути перешел от исторического подхода к синхронии и от поисков целостных характеристик языковых типов к констатации общностей и различий разных языков [Там же: 98–99].

Можно согласиться с Г.А. Климовым в критике американских работ по истории типологии, где эта школа игнорируется [Там же: 3] (вероятно, это происходит не по содержательным причинам, а из-за привычки игнорировать любые публикации на русском языке). Эти исследования, во многом определявшие «лицо советского языкознания» тех лет [Климов 1981: 3], из истории языкознания выбросить, разумеется, нельзя, и в отличие от «нового учения» в них было рациональное зерно. Но сам Г.А. Климов в итоге признал, что от результатов их деятельности сохранилось немного, более всего в области изучения эргативного строя [Там же: 108]. Однако на самого Георгия Андресвича эта школа, известная ему со студенческих лет, оказала большое воздействие, о чем мы еще поговорим.

К концу 50-х гг. наиболее актуальным в советской лингвистике стало освоение идей и методов западной науки о языке. Тогда, например, в журнале «Вопросы языко-

знания» был организован раздел «Консультации», нечто вроде лингвистического ликбеза по этим идеям и методам, в нем как автор участвовал и Г.А. Климов, рассказывавший о методе глоттохронологии [Климов 1959]. Затем возникла необходимость в коллективной работе с анализом ведущих направлений современной западной лингвистики. В книге [ОН 1964] глава об американском дескриптивизме написана Г.А. Климовым вместе с Н.Д. Арутюновой и Е.С. Кубряковой (ему и Е.С. Кубряковой принадлежат вводная часть и раздел «Фонология»). До сих пор у нас нет другого столь же детального и объективного описания дескриптивизма в целом. Подробно рассмотрены основные процедуры, применявшиеся в дескриптивной лингвистике, выделены ведущие течения в американской науке того периода, охарактеризованы теоретические споры вроде полемики сторонников «лингвистики божьей правды» и «лингвистики фокус-покуса».

Позиция авторов главы далека и от полного приятия положений дескриптивизма, и от отвержения идей этой школы как «идеалистических», что нередко встречалось тогда в СССР. Указано, что американская лингвистика наиболее продвинута если не в решении, то в постановке таких проблем, как эпистемиология лингвистики, лингвистическое моделирование, формализация исследований языка, и добилась больших успехов в методике синхронного анализа фонологии и морфологии [Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964: 210]. В то же время в качестве недостатков дескриптивизма отмечены слишком абстрактный подход к фонеме при отсутствии смысловозначительного критерия, переоценка дистрибутивных критериев, неясность термина «окружение», а также игнорирование слова как глобальной единицы языка [Там же: 198, 206, 207–208, 219 и др.]. Отмечена и ограниченность проблематики американского структурализма, игнорирование, прежде всего, вопросов общественного функционирования языка [Там же: 210]. Для 1964 г. это уже несколько устарело, поскольку именно тогда в США появился интерес к социолингвистике, но большинство дескриптивистов 40–50-х гг. действительно принципиально не поднимали такие вопросы.

Еще важнее то, что в США ко времени выхода книги дескриптивизм уже уступал место генеративизму. Оценки у Г.А. Климова и его соавторов двойственны. С одной стороны, периодом господства дескриптивизма названы 1933–1957 гг. [Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964: 178], то есть авторы исходят из уже принятой в США периодизации, согласно которой это господство закончилось сразу, как только Н. Хомский впервые обнародовал свои идеи. С другой стороны, определяется: хотя цели Хомского в корне отличны от дескриптивных, но поскольку эти цели остаются в рамках формального описания, генеративизм – лишь новая фаза развития все того же дескриптивизма [Там же: 178]. Такая двойственность характерна для переходных периодов, когда окончательные оценки того или иного направления еще не устоялись.

Идеи генеративизма, впрочем, не нашли отражения в научной практике Георгия Андреевича, который отмечал, что идеи Хомского могут быть полезны для определенных целей, но он сам предпочитает таксономический подход [Климов 1967: 10]. А влияние дескриптивизма и одновременно отталкивание от него видны в первой теоретической его монографии [Климов 1967]. В книге, где большую часть объема занимает анализ существующих концепций, сопоставлены разные подходы к фонеме и морфеме в отечественной, американской и европейской лингвистике. Выделены психологические (имеющие, по мнению Г.А. Климова, лишь исторический интерес), физикалистские и реляционно-физические (Н. Трубецкой и др.) подходы к фонеме. С ними сопоставляются разные подходы к морфеме (вопреки традиции, которая обычно рассматривает фонемы и морфемы независимо друг от друга). Автор отмечает достоинства и недостатки разных концепций, приходя, опираясь на идеи Чжао Юаньчжэня и С.И. Бернштейна, к выводу о том, что возможны и правомерны различные фонологические и морфологические модели, полезные для разных целей [Там же: 83, 87, 108–110].

Собственная точка зрения Г.А. Климова в книге лишь намечена. Он считал, что поскольку главная единица языка – не фонема и не морфема, а слово, то как морфологический, так и фонологический анализ должен отправляться от слова и словесного

тождества [Там же: 76]. Такой подход не раз предлагался для морфологии, но необычен для фонологии; впрочем, подробная характеристика того, как он там работает, в книге отсутствует. Идеи определения фонемы через слово не получили развития в отечественной лингвистике, а сам Г.А. Климов в дальнейшем отошел от проблематики «классического» структурализма, сосредоточившись на вопросах компаративной теории и типологии. Впрочем, следует отметить информативный обзор советских работ по структурной лингвистике (вместе с Н.Д. Арутюновой), в котором справедливо отмечалась преемственность работ советских структуралистов 50–60-х гг. по отношению к трудам Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, А.И. Смирницкого, московских фонологов и других ученых более раннего периода [Арутюнова, Климов 1968].

Г.А. Климов, многие годы работая над проблемами сравнительно-исторического изучения трех групп языков Кавказа, столкнулся с фундаментальным противоречием лингвистической компаративистики: при очень развитом методе исследования ее теория разработана значительно меньше. Об этом ученый писал и во многих кавказоведческих работах, и в специальных публикациях: брошюре [Климов 1971] и более развернуто в своей последней теоретической монографии [Климов 1990].

Георгий Андреевич указывал на «разрыв, существующий между эмпирическими успехами лингвистической компаративистики в сфере исследования фактов языкового родства и состоянием разработки ее теоретического методического аппарата» [Там же: 153]; см. также [Там же: 4]. Обсуждение теоретических проблем компаративистики могло приводить к пересмотру самих основ этой научной дисциплины, как это было у Н. Трубецкого. Г.А. Климов в целом не был столь радикален и принимал ее основные постулаты, хотя считал, что лингвистам надо «окончательно освободиться» от «иллюзии родословного дерева» [Там же: 154], поскольку концепция дерева слишком упрощает реальность. Однако он не мог согласиться с идеей «смешанных языков», отвергая концепцию В. Пизани о возможности считать английский язык и германским, и романским [Там же: 8]. По его мнению, нельзя отказываться от понятия праязыка и впадать в «агностическую» точку зрения, согласно которой мы ничего не знаем о праязыке, кроме того, что он существовал [Климов 1971: 38], пусть известная благодаря реконструкциям часть праязыка – лишь «вершина айсберга» [Климов 1990: 41]. В то же время он признавал, что вопрос о реальности реконструкций остается неразработанным [Там же: 4].

Но традиционные методы компаративистики ученый предлагает дополнять структурной методикой синхронного анализа, а также методами типологии (не смешивая их с компаративными). Например, он указывает, что следует говорить не о регулярных соответствиях (регулярность может появляться и при массовых заимствованиях), а о системных соответствиях между языками, причем установление системных соответствий – синхронная процедура, результатам которой затем дается историческая интерпретация [Климов 1971: 20; 1990: 16]. Однако полученные результаты должны подвергаться типологической верификации: например, если исходить лишь из системных соответствий, в праязыке окажется неестественно большое число фонем [Климов 1990: 99]. Но, разумеется, не следует смешивать принципиально разные компаративный и типологический подходы. Роль типологии для компаративиста важна в начале и конце его пути: в начале она помогает строить гипотезы о принадлежности тех или иных конкретных языков к той или иной семье (о чем еще в 20-е гг. XX в. писал Е.Д. Поливанов), а в конце с ее помощью верифицируются результаты [Там же: 8–9].

Принимал Г.А. Климов и расширения и дополнения методов компаративистики, выработанные в XX в.: внутреннюю реконструкцию, вероятностные методы. Сложнее было его отношение к методу глоттохронологии. Не отвергая его в принципе, он не считал его основополагающим для выводов об установлении степени языкового родства, признавая лишь как вспомогательный рабочий прием [Климов 1971: 15–16; 1990: 22–24]. По его мнению, глоттохронология помогает установить относительную, но не абсолютную хронологию [Климов 1971: 74; 1990: 119–121].

В целом подход Г.А. Климова умерен и чужд крайностей, к которым он относит и наивный реализм А. Шлейхера и А.С. Чикобава, и «агностицизм» раннего А. Мейе [Климов 1990: 51–52] (влияние на него А. Мейе, тем не менее, оказывается наиболее значительным). Безусловно, он предпочитал менее глобальные, но строго доказанные выводы широкомасштабным, но методологически спорным построениям (с которыми ему как кавказоведу приходилось постоянно сталкиваться). Он указывал, что в компаративистике не разработана методика разграничения генетических и контактных связей [Климов 1971: 30], которое тем сложнее, чем дальше языки отстоят друг от друга. Поэтому он скептически относился к любым попыткам установления дальнего родства и ставил в один ряд «беспочвенные» иберийско-кавказскую, алтайскую и ностратическую гипотезы. Об их неприятии он неоднократно писал с разной степенью резкости [Климов 1971: 31; 1986: 14; 1990: 3]. Отвергал он и идеи «неполноценного компаративиста» Н. Трубецкого о родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков [Климов 1986: 110]. Особенно резко он оценивал исследования С.А. Старостина по дальнему родству, именуя их «образцом дилетантства» [Там же: 129–130]. Эта точка зрения, расходившаяся с утвердившимися у нас представлениями о ностратике как «лице отечественного языкознания», приводила его к определенной научной изоляции, особенно в 90-е гг.

Параллельно с компаративной теорией Г.А. Климов занимался теоретическими проблемами лингвистической типологии, здесь среди немалого числа публикаций особо выделяются три монографии [Климов 1973; 1977; 1983]; отметим также статью [Климов 1975]. Среди его работ за пределами кавказоведения именно они получили наибольший резонанс, в том числе лишь они стали известны за рубежом.

Ученый продолжал здесь исследования школы И.И. Мещанинова, которые он в те же годы, как упоминалось выше, изучал и историографически. От нее он взял несколько основополагающих идей: типологическое исследование должно быть не формальным, а содержательным (контенсивным), нельзя ограничиваться отдельными фактами, а надо сопоставлять целостные системы, изучение синтаксиса приоритетно по отношению к изучению морфологии. В то же время он отверг большинство конкретных построений этой школы и отказался от слишком явно недоказуемых ее гипотез вроде отражения в некоторых лингвистических типах первобытного мышления или связи типологических построений с глоттогенезом.

Наиболее перспективным компонентом исследований данной школы Г.А. Климов признал изучение эргативного строя в сопоставлении с номинативным (начатое, впрочем, еще раньше в работах Х. Шухардта, А. Дирра и др.). Этой проблеме специально посвящена монография [Климов 1973].

Эргативный тип – один из языковых типов, а тип понимается не как свойство конкретных языков, а как абстрактный эталон, по-разному реализуемый в языках (не может быть смешанных типов, но постоянно бывает смешение типов в конкретных языках) [Климов 1975: 21–22]. Здесь Г.А. Климов развивал идеи В. Скалички и Б.А. Успенского. Типы могут быть формальными (например, агглютинативные или изолирующие языки), но большими объяснительными возможностями обладают типы, выделяемые на контенсивных основаниях [Там же: 23–24].

Понятие эргативности, по Г.А. Климову, относится не к форме, а к глубинному содержанию; явление эргативности, прежде всего, синтаксическое и лексическое, хотя проявляется на всех уровнях системы, кроме, быть может, фонологического [Климов 1973: 3–4, 5, 59 и др.]. Отметим, что ученый, критикуя школу И.И. Мещанинова за игнорирование уровня фонологии, также не смог ни в одной из работ по типологии распространить на него свои идеи. Каждый языковой тип должен иметь свою детерминанту. Для эргативного типа, как и для номинативного, ею признаются субъектно-объектные отношения [Там же: 141]; в более поздней работе, впрочем, Г.А. Климов, используя терминологию А.Е. Кибрика, называет его детерминантой близкое, но не тождественное субъектно-объектному противопоставление агентивного и фактитивного начал [Климов 1977: 166]. Однако это не означает тождества двух типов. Их раз-

личия не сводятся только к давно известным различиям в падежной системе: эргативными могут быть и языки, лишенные склонения. Эргативная конструкция может быть глагольной и именной, в связи с ее распространением эргативные языки могут быть именными, глагольными и смешанными [Климов 1973: 42–44]. В синтаксисе эргативные (и активные) языки характеризуются доминацией сказуемого над всеми именными членами предложения [Там же: 46]. В эргативных языках не может быть залоговых оппозиций [Там же: 104]. В лексике эти языки характеризуются наличием классов транзитивных и интранзитивных глаголов, противопоставление которых более фундаментально, чем в номинативных языках [Там же: 60]. Выделяются также фреквенталии эргативных языков, то есть черты, свойственные многим, но не всем эргативным языкам: порядок «подлежащее – дополнение – сказуемое», наличие среди падежей эргатива и отсутствие генитива и датива, наличие именных классов и др. [Там же: 86, 93–95, 111, 124].

В книге эргативный тип рассматривается не только в синхронии, но и в диахронии. Рассматриваются генезис эргативного строя на основе формирования субъектно-объектных отношений, его развитие, при котором глагольный тип преобразуется в смешанный, а затем в именной [Климов 1973: 108 и др.], и переход в номинативный тип. Согласно Г.А. Климову, реальный переход от номинативного типа к эргативному невозможен, могут появиться лишь отдельные его черты [Там же: 212], обратное же распространено.

Если в области изучения эргативности ученый мог опираться на сложившуюся в СССР и других странах традицию, то другой тип – активный – получил права гражданства в науке о языке, прежде всего, благодаря Георгию Андреевичу. Вкратце данные идеи им высказывались в работах [Климов 1973: 213–226; 1975], но специально им посвящена книга [Климов 1977].

Основные черты активного строя оказалось возможным сформулировать намного четче, чем в отношении эргативного строя, но опора на фактический материал оказывалась намного меньшей. Если эргативных языков в мире ненамного меньше, чем номинативных [Климов 1973: 256], и среди них многие неплохо описаны (ряд из них изучался самим Георгием Андреевичем на Кавказе) то безоговорочно активными сам Г.А. Климов признавал лишь некоторые языки Северной Америки [Там же: 5]. В других языках можно было только находить реликты активного строя. А поскольку индейские языки можно было изучать лишь по грамматическим описаниям, часть из которых, возможно, неадекватна, то проблема фактического подтверждения теоретических положений остается серьезной.

По мнению Г.А. Климова, доминанта активного типа отлична от эргативного и номинативного: передаются не субъектно-объектные отношения, а противопоставление активного и неактивного участника пропозиции [Климов 1977: 3]. Синтаксическая доминанта выводится из семантической детерминанты: различия активного и неактивного начал [Там же: 55]. На ранних этапах эти начала фигурируют соответственно как одушевленность и неодушевленность [Там же: 67]. Как и в случае эргативности, изменения в строе легче всего появляются в лексике, потом переходят на синтаксис и позже всего на наиболее консервативную морфологию [Там же: 69, 80–81]. В отличие от эргативного строя активный всегда выражен в глаголе: есть активные глагольные и активные смешанные языки, но не зафиксированы именные [Там же: 61]. В активных языках тем или иным образом противопоставлены два глагольных класса, их противопоставление эволюционирует от противопоставления одушевленных и неодушевленных, через противопоставление активных и стативных к противопоставлению переходных и непереходных глаголов, причем всегда семантика меняется быстрее, чем синтаксис и тем более морфология [Там же: 172–176, 188]. В номинативных и эргативных языках могут сохраняться реликты активности вроде аффективной конструкции [Там же: 63–64].

В книге выделены многие существенные признаки активных языков на разных уровнях, которые являются либо универсалиями, либо фреквенталиями данного типа.

Многие из них противоречат тому, что еще недавно считалось (а иногда считается и сейчас) обязательным для всех языков, но на деле является типологической особенностью либо номинативных и эргативных, либо только номинативных языков (или же еще более узкого класса номинативных языков Европы). Это отсутствие прилагательных как особого класса слов (соответствующие значения выражаются стативными глаголами), отсутствие связок и инфинитивов, отсутствие глагольной категории времени при наличии видовых категорий, неразвитость категории числа, наличие у глагола центробежных и центростремительных версий, частое развитие инкорпорации и др. [Климов 1977: 82, 102–105, 116, 125–128, 140, 144, 156].

Также исследуются вопросы генезиса и развития активного строя. Он во всех работах Г.А. Климова трактовался как строй, исторически предшествующий как номинативному, так и эргативному. При этом концепция несколько менялась. В книге 1973 г. отстаивается идея о развитии от активного строя к эргативному и от эргативного строя к номинативному как об общей закономерности, хотя признаются случаи непосредственного перехода от активного к номинативному строю [Климов 1973: 253]. Но в книге 1977 г. автор исходит из равной возможности преобразования активного строя как в номинативный, так и в эргативный (с последующей возможностью перехода в номинативный) [Климов 1977: 172 и др.]. Меняются и конкретные оценки: вначале Г.А. Климов принимал традиционные идеи о чертах эргативности в грузинском языке, но потом пришел к выводу о том, что в картвельских в отличие от других кавказских языков нет и не было эргативного строя, а за эргативность принимают реликты активного строя [Климов, Алексеев 1980: 5]. Отметим и отказ Г.А. Климова от первоначального скепсиса в отношении возможности выявления семантического инварианта падежной формы [Климов 1973: 117]: в более поздней работе он выделял общее значение эргативного падежа как источника действия [Климов, Алексеев 1980: 37–38].

Активный строй Г.А. Климов не считал древнейшим, указывая, что ему предшествовал так называемый классный строй, представленный, например, в языках банту и др.; развитие от классного строя к активному идет от наиболее дробных классификаций через более абстрактное разграничение одушевленности и неодушевленности к еще более абстрактному выделению активного и инактивного начал [Климов 1977: 264–303]. Он не дал подробного исследования классного строя, выделив лишь некоторые его черты, не имеющие параллели в других типах: неотграниченность морфологии от словообразования, отсутствие категории падежа и др. [Там же: 131, 192, 292]. Не раз он выделял и еще более ранний и, по-видимому, первичный строй, называемый нейтральным [Климов 1975: 26; 1977: 292], но о нем сказано очень немного. Другим неразработанным пунктом теории, что признавалось самим Георгием Андреевичем [Климов 1977: 162], оказалось отсутствие системных характеристик номинативного строя. Казалось бы, этот строй изучен намного лучше других, но его системные характеристики очень долго рассматривались как общие свойства языков мира (что на ранних этапах развития общего языкознания и типологии было неизбежно). Сильной стороной построений Г.А. Климова был решительный отказ от такого отождествления, но выделить, чем именно характеризуются номинативные языки, особенно если у них та же или почти та же доминанта, что в эргативных языках, он не успел или не смог.

Типологию Г.А. Климов считал неполной без обращения к диахронии. Здесь его позиция была двойственной. С одной стороны, он учитывал неудачи типологов XIX в. и последователей Н.Я. Марра, выдвигавших недоказуемые гипотезы о стадиях развития языка и мышления, и предостерегал против упрощенных построений подобного рода, см., например [Климов 1973: 211]. Но в его концепциях пяти языковых типов, определенным образом связанных в историческом развитии, очевиден стадийный компонент. Не раз у него проскальзывают идеи о том, что, например, «сама семантическая детерминанта активного строя, противопоставляющая активное и инактивное начала, обозначает грубое приближение к оппозиции субъектного и объектного» [Климов 1977: 166]. Аналогично трактуется и соотношение между классным и актив-

ным строем, связанное с развитием абстрактного мышления у носителей активных языков [Там же: 267]. То есть переход от одного типа к другому – одновременно и переход от менее развитого мышления к более развитому. В целом осторожнее Г.А. Климов в отношении соотношения эргативных и номинативных языков (особенно в более поздних работах), но и в книге 1977 г. мы находим: «Более близкое приближение к последней (оппозиции субъектного и объектного) представляет собой семантическая детерминанта активного строя» [Там же: 166]. То есть и эргативные языки мыслительно менее развиты по сравнению с номинативными. Это все же стадильность!

Очень осторожный в области компаративистики, боявшийся здесь слишком широкомасштабных построений, Г.А. Климов, наоборот, был склонен к такого рода очень ответственным построениям в области типологии. Идея стадий, пусть в уточненном варианте, возрожденная ученым, подводит под общую схему слишком большое число фактов и остается не доказанной, как, впрочем, и не опровергнутой. Необходим анализ свойств большого числа языков.

Рассмотрим вкратце лишь явления двух языков, которыми занимался автор данной статьи: японского и айнского. Никто никогда не подвергал сомнению принадлежность японского языка к номинативным: там имеются переходные и непереходные глаголы, пассив, типично номинативное падежное оформление и др. В то же время с точки зрения доминирования сказуемого над именными членами предложения японский язык соответствует тому, что Г.А. Климов определял как черту эргативного и активного строя; недаром в японской науке легче, чем в европейской, получила признание концепция сказуемого как вершины предложения. В привычных для нас номинативных языках Европы этому мешает согласование сказуемого с подлежащим, которое, по видимому, Г.А. Климов считал если не универсалией, то фреквенталией номинативного строя. И порядок слов в японском языке «эргативно-активный».

А айнский язык обладает почти всеми выделенными Георгием Андреевичем свойствами активных языков (см. [Алпатов 1983]), не обладая лишь главным: там глаголы делятся на переходные и непереходные, причем это разграничение даже жестче, чем в номинативных и эргативных языках, поскольку их личные окончания различны. Поэтому Г.А. Климов, с которым мы говорили о свойствах этого языка, отнес его к номинативным. Однако чем объяснить такое его типологическое сходство с активными языками Северной Америки?

Но уже тот факт, что в языке, не рассмотренном Г.А. Климовым, совмещены признаки, выделенные как не случайно связанные в языках иных ареалов, показывает существование его концепций. Понятие активного строя, как к нему ни относиться, вошло в лингвистическую типологию, и исследования в этой области перспективны. И в изучение эргативности вклад ученого неоспорим. Основные типологические идеи Г.А. Климову удалось опубликовать на иностранных языках [Klimov 1974; 1977; 1979; 1983; 1984; 1985], а книга [Климов 1977] в 1999 г. издана на японском языке.

Наконец, отметим еще одну публикацию Г.А. Климова – статью [Климов 1980], где сопоставляются три возможные классификации языков – генетическая, типологическая и ареальная; всеми тремя ученым занимался. Отмечено общее у трех подходов, находящихся в отношении дополнительности: всегда ставится задача истолкования подобия множества языков в том или ином плане, за которой стоит более общая возможность тройного объяснения сходства между обществами [Там же: 7]. Еще одна общность в том, что все классификации в определенном смысле структурны и опираются на синхронную базу, но связаны с диахронией [Там же: 10]. Но генетическая классификация выделяет структурные элементы, сохраняемые при дивергенции, ареальная – приобретенные при конвергенции, а типологическая независима от обоих процессов [Там же: 10]. Данная работа ученого хорошо показывает его ведущие научные интересы: его интересовали, прежде всего, проблемы сходств и различий языков во всех аспектах.

Но оценка деятельности Г.А. Климова была бы неполной без упоминания его более чем тридцатилетнего служения лингвистике в журнале «Вопросы языкознания». Менялись исторические эпохи, научные приоритеты и моды, главные редакторы журнала, а Георгий Андреевич делал все возможное, чтобы ведущий лингвистический журнал страны отражал ее научную жизнь и объединял вокруг себя ведущих ученых. И мы должны быть ему за это благодарны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1983 – В.М. Алпатов. К типологической характеристике айнского языка // ВЯ. 1983. № 5.
- Арутюнова, Климов 1968 – Н.Д. Арутюнова, Г.А. Климов. Структурные методы за 50 лет советского языкознания // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
- Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964 – Н.Д. Арутюнова, Г.А. Климов, Е.С. Кубрякова. Американский структурализм // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Климов 1959 – Г.А. Климов. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // ВЯ. 1959. № 2.
- Климов 1960 – Г.А. Климов. Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы // ИАН СЛЯ. 1960. № 1.
- Климов 1962 – Г.А. Климов. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
- Климов 1964 – Г.А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов 1965 – Г.А. Климов. Кавказские языки. М., 1965.
- Климов 1967 – Г.А. Климов. Фонема и морфема. М., 1967.
- Климов 1971 – Г.А. Климов. Вопросы методики сравнительно-исторических исследований. М., 1971.
- Климов 1973 – Г.А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов 1975 – Г.А. Климов. О понятии языкового типа // ВЯ. 1975. № 6.
- Климов 1977 – Г.А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов 1980 – Г.А. Климов. Взаимоотношения генеалогической, типологической и ареальной классификации языков мира // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Климов 1981 – Г.А. Климов. Типологические исследования в СССР (20–40-е годы). М., 1981.
- Климов 1982 – Г.А. Климов. Некоторые итоги типологических и генетических исследований в кавказском языкознании // ИАН СЛЯ. 1982. № 6.
- Климов 1983 – Г.А. Климов. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
- Климов 1986 – Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Климов 1990 – Г.А. Климов. Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Климов 1994 – Г.А. Климов. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Климов, Алексеев 1980 – Г.А. Климов, М.Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980.
- ОН 1964 – Основные направления структурализма. М., 1964.
- Klimov 1974 – G. Klimov. On the character of languages of active typology // Linguistics. 131. 1974.
- Klimov 1977 – G. Klimov. Zu den Ergativitätsimplikationen // Grazer linguistische Studien. Graz, 1977.
- Klimov 1979 – G. Klimov. On position on the ergative type in typological classification // Ergativity. London; New York, 1979.
- Klimov 1983 – G. Klimov. On contentive typology // Lingua e stile, A. XVIII, 3, 1983.
- Klimov 1984 – G. Klimov. On the expression of object relations in the ergative system // Objects: Towards a theory of grammatical relations. London; New York, 1984.
- Klimov 1985 – G. Klimov. Zur kontensiven typologie // Relational typology. London, 1985.